

Проблема не в дезинформации

В этот избирательный год правда становится редким явлением, а центральное место занимает борьба за суверенитет в толковании реальности

Похоже, 2024 год станет годом больших решений. В июне – выборы в Европарламент, а в ноябре – выборы президента США. В политических кругах и медиа говорят о том, что настало время борьбы между демократией и дезинформацией. Если добавить сюда выборы в России и в Индии, в этом году голосует почти половина населения всего мира.

По словам Высокого представителя ЕС по вопросам иностранных дел Жозепа Борреля, «злонамеренные иностранные субъекты» пытаются выиграть «бой за нарративы». А федеральное правительство Германии заявило о распространении дезинформации, направленной на раскол общества и подрыв доверия к государственным институтам. Соцсети якобы используются для распространения лжи, дезинформации и дипфейков, что приводит к быстрому формированию ложной информации и созданию пузырей и закрытых сред. Также утверждается, что искусственный интеллект, дипфейки и персонализированные алгоритмы пользуются уже имеющейся неуверенностью, снижая уверенность в демократических институтах.

Угрожает ли это самой сути демократии?

Есть целый ряд аргументов в отрицание теории, что поток дезинформации, усиленный соцсетями, угрожает демократии. Во-первых, об этом говорит сам термин. Мы можем отличить «дезинформацию» от просто «ложной информации» (которую иногда называют также «мисинформацией») в зависимости от того, лежит ли в ее основе какой-то злонамеренный умысел. Ложная информация – это ошибка, а дезинформация – откровенная ложь. Однако границу между ними провести бывает непросто. Откуда нам знать, какие намерения у того или иного человека, если мы не

телепаты?

Термин «дезинформация» часто используется не по назначению, в частности в политическом секторе, где его употребляют для обозначения любого другого мнения. Это часто наблюдалось (и до сих пор наблюдается) с обеих сторон дискуссии об опасностях коронавируса в последние годы. До сих пор нет практически значимых исследований, которые бы продемонстрировали, что дезинформация, информационные пузыри и эффект эхо-камеры имели серьезное влияние на эту ситуацию. Напротив, большинство исследований показывают низкое распространение дезинформации с минимальными или вообще отсутствующими последствиями, которые можно было бы наблюдать. Похоже, даже можно проследить связь между интенсивным использованием медиа и дифференцированным мнением.

*Никогда еще столько
качественной
информации нельзя было
получить так дешево,
как сейчас*

Также непонятно, способны ли кампании по дезинформации вообще на что-то влиять в долгосрочной перспективе. Даже руководитель отдела стратегических коммуникаций Европейской службы внешних связей Лутц Гюльнер, ответственный за меры ЕС по предотвращению вмешательства России в выборы в Европарламент, признает, что об этом на самом деле ничего не известно. Имеющиеся эмпирические исследования показывают, что дезинформация составляет небольшую долю доступной в интернете информации, и при этом все равно ее потребляет небольшое меньшинство. Большинству пользователей вполне понятно, что самопровозглашенные инфлюенсеры и сомнительные сайты далеко не всегда можно считать надежным источником информации.

Самый важный аргумент «против» – что никогда еще столько качественной информации нельзя было получить так дешево, как сейчас. Медиатеки, блоги, политические ток-шоу на телевидении, простой и недорогой цифровой доступ к разнообразным ежедневным газетам и другим журналам... Получить информацию сейчас просто как никогда. Сорок лет назад большинство людей жили в информационной пустыне, читая одну газету и, возможно, смотря новости на одном телевизионном канале. Информационного разнообразия было не найти. Но с тех пор интернет и соцсети

приложились к огромному росту плюрализма, когда речь идет о формировании собственных мнений, хотя это часто сопровождается более высоким уровнем неуверенности. В то же время это явление формирует нашу современность еще с XVI века, когда изобрели печатный станок. Плюрализм – эпистемическая основа открытого общества. С этой точки зрения это предпосылка демократии, а не угроза.

Проблема заключается в другом

В то же время важно не понять эти контраргументы неправильно. Опасность действительно существует – на более абстрактном и одновременно более фундаментальном уровне. Основная проблема с обеспечением стабильной демократии заключается не в том, что люди лгут и стратегически используют информацию, чтобы манипулировать мнениями других – здесь ничего нового нет. Это скорее из-за того, что в современной Европе мы движемся по разным аренам истины, которые все труднее между собой примирить.

В интервью Такеру Карлсону российский президент Путин подробно объяснил, почему, по его мнению, Украина принадлежит России. Он не то чтобы лгал – он высказал субъективную правду, основанную на исторических конструкциях, в которые он, вероятно, искренне верит, как бы странно это ни звучало для западных ушей. Подобным образом риторика сторонников Трампа, якобы демократы ведут Америку в пропасть, – необязательно ложь, которую они бессознательно распространяют. Мы должны беспокоиться не из-за лжи, а из-за того, что они якобы в это искренне верят. В современном обществе единая правда становится редким явлением, а центральное место занимает борьба за суверенитет в толковании реальности. К сожалению, миф, в который нам хочется верить, – что сейчас все еще существует некая единая правда, которую можно проверить, – не выдерживает критики.

Либералы и консерваторы, правые и левые, феминистки и пожилые белые мужчины должны продолжать разговаривать друг с другом. Тогда у нас не будет причин бояться

В философских дебатах основополагающую сложность определения истины объяснил Аристотель, задав вопрос, что собственно является истиной. Сейчас общий консенсус заключается в том, что истинное содержание тезисов не может быть непосредственно выведено из реальности (фактов), а может быть проверено только с помощью других тезисов. Это разрушает представление о том, что можно определить определенное соответствие между тезисом и реальностью. В

*злонамеренных
иностранных субъектов
или даже битвы
нарративов.*

этой «когерентной теории истины» истинными считаются только те тезисы, которые можно без противоречий применить к более широкому контексту тезисов, которые мы уже признали истиной. Итак, истина – это то, что дополняет нашу конструкцию мира (и наши предубеждения) без противоречий.

Если ключевым критерием становится согласование с убеждением, а не факты, возникает риск, что истина станет интерсекционной, субъективной и зависимой от контекста; правда для одних почти неизбежно будет означать неправду для других. Как это касается текущей дискуссии о дезинформации? В контексте США это прежде всего означает, что 100 миллионов потенциальных сторонников Трампа – не (исключительно) лжецы и не дураки. Напротив, они живут в мире, который сочетает твердую веру в традиционные ценности, отказ от интеллектуализма Восточного побережья и неприязнь к постмодернистской случайности. Это философия, состоящая из взаимоусиливающих аспектов, которые обеспечивают фиксированную структуру для классификации новой информации. В этой структуре нет необходимости в проверке фактов или экспертизе.

Как можно и нужно работать с такой фундаментальной дискуссией? Демократия – не философский зал для дебатов; всегда бывают моменты, когда лоб в лоб сталкиваются несовместимые и резко высказанные позиции. Нам надо научиться выдерживать эти штормы, не теряя из виду правду. Это вопрос не просто проверки фактов – здесь скорее речь идет о постоянном обновлении того, как общество понимает основы правды. Либералы и консерваторы, правые и левые, феминистки и пожилые белые мужчины должны продолжать разговаривать друг с другом. Тогда у нас не будет причин бояться злонамеренных иностранных субъектов или даже битвы нарративов.

Юрген Нейер

Юрген Нейер (Jürgen Neyer) – профессор по вопросам европейской и международной политики в Европейском университете Виадрины (Франкфурт-на-Одере) и директор-основатель Европейской новой школы цифровых исследований (ENS). Сейчас он исследует связи между технологическими инновациями и международными конфликтами.

